

Окраина, движущаяся на центр, – не является ли этот центральный образ "Трилогии о Максиме" ключом ко всему советскому кино?

С точки зрения магистрального сюжета: низы пролетарской окраины движутся на буржуазный центр, чтобы сместить его. С эстетической: "низовая" культура окраины – культура городского уличного романса, частушки, циркового аттракциона и уголовного "романа" с продолжением претендует на место, занимавшееся "высокой" культурой. И даже с точки зрения биографии его создателей: мальчики с окраин бывшей Империи устремляются покорять центр.

Окраина, движущаяся на центр, чтобы захватить и сместить его...

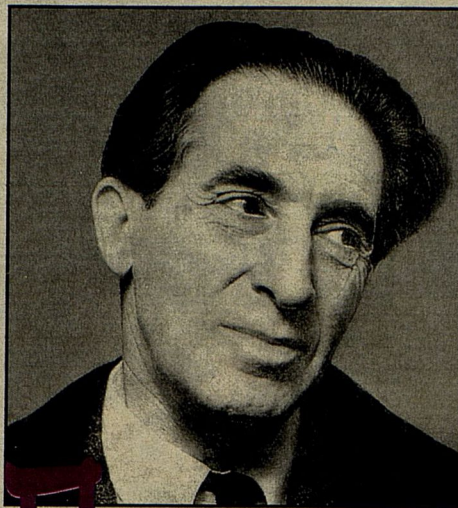
На латыни "смещение центра" переводится как "экс-центрика". Именно это слово было паролем, более того – боевым кличем, с которым врывались в столицы мальчики с окраин – Сережа Эйзенштейн из Риги, Сережа Юткевич и Гриша Козинцев из Киева, Леня и Илюша Трауберги из Одессы. Истинные дети своей эпохи невиданных переворотов в 17-20 лет они ощущали себя самыми отчаянными новаторами и революционерами в искусстве. Мир был поставлен вверх ногами и оставалось лишь создать сценарий праздника воцарения "веселой относительности всего и вся". Сценарий, где вместо величавого действия – "парад аттракционов" – трюк, балаган, вместо актера – озорной клоун.

Но сколько же в этом неистовом революционном азарте разрушения традиций, правил и приличий, помимо революционного энтузиазма шло от того неизменного священного, потаенного ужаса зависти и восторга, который испытывает всякий мальчик из хорошего дома к улице и ее детям, не обремененным излишними знаниями правил хорошего тона! Это прорывалось иногда – вспомните катаевских Петю и Гаврика. Об этом позже с потрясающей искренностью писал "мальчик из Риги, мальчик-пай" Сергей Эйзенштейн. Эта двойственность чувства, похоже, была с ними всю жизнь – недаром уже в 50-е Евгений Шварц в дневниках называл Козинцева помесью мимозы и крапивы.

Публично третируя "высокую" традицию, они в глубине души всегда чтили ее и жаждали быть ею признаны; афишируя свою принадлежность улице – косились на нее с опаской. Это было незаметно, пока, попав в Петро-

ПОЗДНЯЯ ДОРОГА

ИСТОРИЯ

ПАМЯТИ МАЛЬЧИКОВ ИЗ ХОРОШИХ СЕМЕЙ

К 90-летию со дня рождения Григория Козинцева

град, Козинцев, Трауберг вместе с Юткевичем выпускали знаменитый манифест "Эксцентризм" (где, между прочим, сделали первую попытку переименования Петрограда – в Эксцентрополис), ставили хулиганские представления-клоунады, прошедшие где-то в общей сложности два с половиной раза и описанные затем десятки (если не сотни) раз в исследованиях по истории театра и кино разных стран, и организовывали Фабрику эксцентриче-

ского актера – легендарный ФЭКС (не отсюда ли это звонкое словечко попало в закланение Буратино "крэкс, пекс, фекс"?). Но как только они "докатались до кинематографа", вереница клоуновских масок, кружась вокруг героя, стала напоминать бесовский хоровод, и герой, подввергаемый традиционным для клоунов насмешкам и глумлению, вдруг растерялся, выпал из жанра и промолвил знаменитое: "Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?"

Сколько б ни провозглашали мальчики в своем манифесте: "К свистку от публики – мы готовы!", не на пустом же месте возникла некогда догадка Неи Зоркой в "Истории советского кино" о том, что неотвязное это видение, переходившее из фильма в фильм, вплоть до последних козинецких – "Дон Кихота" и "Лира", навечно воспоминаниями о том, как встретил центр мальчиков с окраины? А если так, то, может быть, чтоб справиться со своей травмой, в помощь себе, на зовование центра призвали они потаенного героя детских мечтаний – парня с улицы со вздернутым носом, хулиганским чубом и насмешливым прищуром, Иванушку-дурочка и Тилиа Уленшпигеля от большевизма в одном лице? Его, не испытывающего "страха иудейска" ни перед Богом, ни перед чертом, ни перед царем, ни перед городовым, ни перед товарищем Сталиным (а ведь ходила легенда о том, что на одном из просмотров в Кремле Козинцев потерял сознание). Лукаво подмигнув, тряхнув чубом, напевая песенку про шар голубой, он пошел в последний и решительный бой и победил всех и вся – царя, городских, оппортунистов, уклонистов, анархистов, правых и левых эсеров и стал рабочим царем. И ему подчинились все и вся.

И по пути, от серии к серии, за внешностью рубахи-парня открывалась железная поступь рабочего вождя, чтобы к финалу обернуться монументом в кожаной куртке. Державным монументом. Монумент доброжелательно кивнул мальчикам, поздравил их с выходом на единственно правильную столбовую дорогу социалистического реализма, напомнив, чем в таком случае будет считаться шаг в сторону. И лукаво улыбнулся.

Что напомнила им улыбка монумента?

Евгений МАРГОЛИТ.

"ТРИЛОГИЯ О МАКСИМЕ". СУББОТА,
18 МАРТА, 13.45, ВОСКРЕСЕНЬЕ,
19 МАРТА, 12.15. КАНАЛ "ТВ-6".

Семейный архив - 1995 - 13-19 марта - 924.

13.3.95.

Козинцев Григорий